

ражением семи эфесских юношей должны были способствовать целительной силе сна. В основе таких представлений лежала широко известная, по-видимому, сирийская по происхождению, легенда о семи юношах-христианах¹⁰, которые жили в Эфесе во времена императора Деция, твердо придерживались своей веры и, спасаясь от грозившей им казни, удалились из Эфеса и укрылись в пещеру, где на них был навеян чудесный сон, длившийся 300 с лишним лет. Спасенные этим сном юноши так же чудесно пробудились уже при торжестве христианства.

Легенда эта широко распространилась не только в христианском, но и в мусульманском мире, вызвав многочисленные памятники изобразительного искусства¹¹. Появление изображений семи спящих отроков на змеевиках характерно для синкретизма, процветавшего на стыке христианского мира с нехристианским. Тем же синкретизмом объясняется и распространение подобных амулетов в древней Руси, причем не только в народной, но и в княжеской среде¹². Но описанное выше смысловое значение змеевика с изображением семи спящих могло быть «действенным» для того или иного обладателя амулета. Как же распространить это значение на большую фасадную композицию, обращенную не к одному человеку, а ко многим горожанам? Как ни интересна мысль о пережиточности народных полуязыческих представлений в большой фасадной композиции собора, но вопрос, по-видимому, гораздо сложнее. Остановимся прежде всего на композиции как таковой. Обычно «круговая» ее форма связывается с магическим значением круга, что и обусловило в большинстве круглую форму амулетов. Пережиточная дохристианская символика круга могла, конечно, отражаться на форме амулетов, но из этого не вытекает, что той же символикой следует объяснять и круговую композицию изображений. Лучше всего рассмотреть этот вопрос исторически.

Изображение семи фигур спящих эфесских отроков в виде замкнутой компактной группы, в которой все фигуры как бы кругообразно сливаются друг с другом, установилось в восточновизантийской иконографии, очевидно, не сразу. Самый ранний из известных нам примеров — миниатюра греческой псалтири IX в., известной под названием сначала Лобковской, а затем Хлудовской (рис. 3)¹³. Круговая композиция здесь еще не развита, но все же ощутима. В одноименной миниатюре «Минология Василия II» (X в.) все семь фигур отроков изображены лежащими «горкой», головами в одну сторону¹⁴. В дальнейшем такие композиции встречаются

¹⁰ Имена отроков: Максимилиан, Иямвлих, Ексагустодиан, Антошиг, Дионисий, Мартиниан, Иоани. Имена эти нередко частично изменялись. Об именах отроков, будто бы принятых ими по крещению, см. ниже.

¹¹ Подробно о легенде и ее литературных судьбах см. М. О. А т т а я. Легенда о семи отроках и ее арабские версии (с вводной редакционной статьей и библиографией). «Древности восточные. Труды Восточной Комиссии МАО», т. IV. М., 1913, стр. I—XVI (введение) и 1—70. О памятниках изобразительного искусства (с библиографией) см. L. M a s s i g n o n. Les sept dormants d'Éphèse (Ahl-al-Kahf) en islam et en chrétienté, part. 1—6. Paris, 1955—1960. Автор любезно прислал мне свой труд, за что я выражаю ему искреннюю благодарность.

¹² Напомню, что знаменитый черниговский золотой змеевик с изображением архангела Михаила связывается с князем Владимиром Мономахом (Б. А. Р ы б а к о в. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 58).

¹³ В. М. У н д о л ь с к и й. Описание греческого кодекса псалтири IX—XII вв. с современными изображениями, принадлежащего А. И. Лобкову. «Сборник древнерусского искусства на 1866 г.» М., 1866, стр. 149. Псалтирь хранится в Государственном историческом музее в Москве (далее — ГИМ), однако еще до поступления ее в ГИМ миниатюра с семью спящими оказалась вырезанной. Приводимое воспроизведение дается по работе L. M a s s i g n o n. Op. cit., part. 2. Paris, 1956, pl. XX.

¹⁴ М. и В. У с п е н с к и е. Лицевой месяцеслов греческого императора Василия II. Октябрь. СПб., 1903, стр. 58. См. также В. Н. Л а з а р е в. История византийской живописи, т. II. М., 1948, табл. 70-а.